

Сергей АБЕРИНЦЕВ

Из проповедей

Из проповедей

Слово на Евангельское чтение в Неделю о мытаре и фарисее (07.02.93)

Братья и сестры! Верховный приговор Господа нашего поставил молитву мытаря выше, чем самодовольную молитву фарисея. Служба сегодняшнего дня подтверждает этот приговор, и наши чувства привычно к нему присоединяются. Но чтобы согласие нашего сердца с приговором Господа нашего не было слишком привычным и слишком легким, чтобы мы поняли глубину и силу приговора Господа, нам будет нелишне подумать обо всем, что мог бы сказать фарисей в свою пользу.

Мы привыкли употреблять слово «фарисей» как синоним слова «лицемер». И действительно, Господь наш называл фарисеев лицемерами или, может быть, лицедеями, если иметь в виду значение греческого слова, употребленного в Евангелии. Но Господь наш имел право и власть так назвать фарисеев. Мы же должны задуматься, в каком смысле фарисей — это лицемер? В жизни мы можем называть лицемером человека, который попросту притворяется перед людьми: на глазах у людей принимает вид добродетельного и порядочного человека, а едва люди отвернутся, ведет себя совершенно противоположным образом. О фарисее из выслушанной нами сегодня притчи мы такого не знаем. Он говорит перед Богом и перед самим собой, а не перед людьми, и у нас нет оснований полагать, что он не исполнял в повседневной жизни того, о чем говорил. Он действительно постился дважды в неделю, он действительно, надо полагать, не позволял себе ни малейшего упущения, отсчитывал десятую долю от каждого своего дохода и приобретения в жертву храму. Это не так мало. И такие, по-человечески говоря, порядочные люди, которым не нужно было чужого, которые не согрешили воровством или блудом, — такие люди немало терпели в повседневной жизни от людей, подобных мытарю.

Мытарь — это сборщик налогов, очень часто позволявший себе беззаконие, бравший много сверх того, что ему полагалось (собственно, на этом и держалось налоговое дело в те времена), да еще находившийся на службе у оккупационных властей — у язычников, иноземцев. Земная власть — власть римского наместника — давала преимущество мытарю, и в повседневной жизни, надо полагать, фарисей и его друзья, такие же люди, как он, терпели от людей, подобных мытарю.

И вот для фарисея приходит час реванша. Он — в храме; он видит у входа смущенную и раздавленную сознанием своей вины фигуру мытаря, одного из тех, от кого он терпит в повседневной жизни. Но хотя бы здесь, в храме, святыня, Закон, Божье благоволение — это-то принадлежит ему, фарисею; это его, страшно сказать, карта, которую он может использовать в игре против мытаря. Там, на улице, мытарь имеет над ним власть, но здесь, в храме, все принадлежит фарисею. Ему принадлежит самый Закон, Закон и он — как будто одно. В том-то и ужас проблемы фарисея, что фарисей, как правило, не были вульгарными лицемерами, то есть обманщиками, ведущими себя противно своим словам, едва от них отвернутся. Это были серьезные люди. И как будто бы можно только позавидовать обществу, уважавшему не богатство, не земную власть, не роскошь, не любострастие и моду, но ученость и благочестие, стремление в точности осознать Закон и в точности его исполнить. Конечно, мы можем сказать (и это будет

правда), что отношение фарисеев к исполнению Закона было чересчур мелочным. Но так ли уж легко провести границу между необходимой точностью в исполнении Божьего Закона и недолжной мелочностью? В конце концов, по отношению к величию Бога, все, что можем сделать мы, незначительно. Но разве мы не призваны и в малом исполнить наш долг?

В чем же вина фарисея? Прежде всего в том, что он судит самого себя и судит мытаря — вместо Бога. Он как будто посягает на престол, уготованный для последнего Суда Божьего, он уже предвосхищает этот Суд. Но, братья и сестры, так ли уж легко нам удержаться от того, чтобы предвосхищать Суд Божий? и говорить от имени Бога, вместо Бога?

Далее. Фарисей заявляет о довольстве собой. Как ему кажется, ему остается только возблагодарить Бога за то, что Бог сделал его праведным исполнителем Закона, а не грешником. Но здесь существо дела опять-таки не в том, что фарисей дерзает так о себе говорить. Ну, хорошо, мы, наученные евангельской притчей, не будем так говорить — мы будем хитрее фарисея. Но ведь духовные учителя вот такое смирение на словах, которому не научился фарисей, воздержание от слов — только слов, но не чувствований, — называли смиренноголаганием и противопоставляли истинному смирению. Если мы из этой притчи научимся всего-навсего воздержанию от каких-то слов, то фарисей, пожалуй, будет отличаться от нас всего-навсего тем, что он прямодушнее, наивнее, откровеннее, искреннее, если хотите. Он вправду говорит то, что думает и чувствует. Чувства же его связаны с тем, что норма Закона, которую он видит перед собой и вполне справедливо почитает, — норма эта не живая. Из чего это видно? Из того, что ему представляется, будто он до этой нормы дорос, что он ей соответствует, что он исполнил Закон. Это значит, что его закон не живой. Почему? Потому что, если бы его закон был живым, если бы норма, в соответствии с которой он живет, была живая, она бы росла вместе с ним — так, как это показано в Нагорной проповеди. Да, сказано — «не прелюбы сотвори», и фарисей, очевидно, исполнил это — он не совершает физического блуда, коль скоро дерзает благодарить Бога, что он не таков, как блудники. Но Бог требует полной чистоты сердца, чистоты тех глубин сердца, которых человеческий взгляд не всегда видит. В нашем сердце есть такие глубины (об этом задолго до психологии нашего столетия говорил блаженный Августин), которые — бездна, вообще не проницаемая для нашего взгляда.

Мы знаем, что собратья этого фарисея жизнь Самого Живого Бога ставили как бы ниже Закона, потому что приписывали Самому Богу занятия Законом в Его блаженной вечности. Такое мнение было у фарисейских учителей того времени и последующего. Нам легко, конечно, посмеяться над образом Бога, который в Своей блаженной вечности занят тем, что размышляет над Своим собственным Законом — как вечный, небесный, бессмертный, всемогущий и пренепорочный фарисей. Нам легко над этим посмеяться, но такой ход мысли, когда Закон поставлен наравне с живым Богом или превыше Его, — это очень страшный ход мысли, совсем не простой, по существу.

И далее. Фарисей не довольствуется тем, что благодарит Бога за свою верность Закону, но желает видеть грешников как фон, оттеняющий его, фарисея, праведность. Надо сказать, что само слово «фарисей» происходит от древнееврейского глагола, означающего «отделять». Фарисей — это тот, кто отделил себя по своему собственному сознанию от всякой нечистоты, но также и от прочих людей, которые нечистые, которые не таковы, как он. Поскольку он — исполнитель Закона, почитаемый и признаваемый в качестве такового обществом, его обязанность — свидетельствовать о Законе и учить Закону грешников. Но он этим отделяет себя не только от греха, но и от грешника, и таким образом сам кладет перед собой непреодолимое препятствие в исполнении своего долга учить Закону, передавать другим то благо, которое, как он

убежден, дано ему самому. Ибо грешный человек и все мы, в силу нашей греховности, привыкли очень живо чувствовать чужое самоутверждение. И когда нам говорят правду, но таким образом, что эта правда должна быть ударом, нас сражающим и обеспечивающим нам поражение в некоей игре, в некоем состязании с тем, кто с нами разговаривает и нас поучает, мы не принимаем поучения. И фарисей, проводя черту разделения уже не между собой и грехом, но между собой и грешниками, отделяя себя от грешников, сам делает все возможное для того, чтобы не быть учителем и никого ничему хорошему не научить.

Мы знаем, что безбожная мысль выступала со многими укоридами в отношении типа благочестивого, религиозного человека, исполнителя религиозного Закона. Эти обвинения, когда они исходят от безбожников, от злой страсти, направленной против веры, имеют в себе, конечно, много клеветнического и несправедливого. Но постольку, поскольку верны слова псалма пророка Давида «всякий человек есть ложь», поскольку мы — недостойные свидетели истинной веры в этом мире и не изъяты из этого суждения, постольку в обвинениях, во множестве прокурорских речей вновь и вновь произносимых безбожниками против благочестивцев, есть некая доля истины. И христианство, Христово учение, Евангельское учение — это единственное религиозное учение, учение благочестия, которое способно увидеть, и принять, и предложить нам в назидание в этой притче ту долю истины, которая придает какую-то силу немощной хуле нечестия против благочестия. Только одно Христово учение способно научить нас этому из того, как нас, людей, которые через несколько недель должны будут исполнять обязанности поста, нас, приходящих в воскресный день в храм, как нас может увидеть, ну, скажем, мытарь.

Да будем мы всегда жить с живой мерой, которая есть Сам Христос. Когда святые, великие святые и великие подвижники, укоряли себя, называя себя «великими грешниками», это не было смиренноглаголением. Они говорили так не потому, что у христиан принято называть себя «великими грешниками», а потому, что они действительно в своем живом сердце, в своей живой совести, возраставшей вместе с ростом их подвигов, видели себя великими грешниками. Потому что перед ними была не мертвая мерка, до которой можно дорасти, но Божие Небо над головой. И они, живые, в это Небо росли, и Небо всегда оставалось бесконечно высоким над их головой. Приверженцы других религий могут все исполнить и сказать: «Ну, вот, мы все исполнили!». Не будем обманывать себя, не будем смеяться над приверженцами этих религий. В любой религии все исполнить очень трудно, это дело серьезное. Но христианин никогда, ни на секунду не может почувствовать и сказать: «Вот, я все исполнил», — потому что его мера — живая, Сам Господь наш.

Слово на Евангельское чтение в Великий Четверг (15.04.93)

Перед самым началом Своих страстей Господь собирает учеников на Тайную вечерю. Хотя Господь наш имел право сказать: «Я ничего не говорил втайне» (как Он сказал Своим врагам); хотя христианству чуждо настроение заговора и конспирации, а тем более пустая игра в мнимые тайны, в таинственность, в секреты, как это свойственно оккультистам, в сердце христианства — тайна. Вечеря Христова — тайная. Во-первых, потому, что ученики собираются вокруг Учителя, ненавидимого миром, ненавидимого Князем мира сего, пребывающего в кольце злобы и смертельной опасности, которая являет великодушие Христа и требует верности от учеников. Это требование, нарушенное страшным предательством со стороны Иуды и несовершенно исполняемое другими учениками, которые впадают в дрему от уныния, от унылых предчувствий, когда им должно бодрствовать с Христом во время моления о Чаше. Петр в оторопи страха с клятвами отрекается от своего Учителя. Все ученики разбегаются. Но грань между верностью, хотя бы несовершенной, и полнотой предательства остается. Это

страшная грань: непримиримое столкновение между Его великодушием и святостью, между Царством Божиим, которое Он возвещает и приносит людям, и царством Князя мира сего. Это настолько непримиримо, что, приближаясь к тайне Христа, мы оказываемся перед последним выбором. Ведь мы приближаемся ко Христу так близко, как верующие других религий и вообразить не могут. Они не могут вообразить, что можно так приблизиться к Богу, как мы, когда мы вкушаем Христову плоть и пьем Его кровь. Это помыслить трудно, а каково выговорить! Каково было апостолам услышать впервые слова, которыми Господь устанавливал истину Евхаристии! И горе нам, если мы не испытываем хотя бы малой доли того трепета, который тогда должен был охватить апостолов.

Тайная вечеря является тайной и потому, что она должна быть укрыта от враждебного мира, и потому, что в ее существовании — непроницаемая тайна последнего снисхождения Богочеловека к людям: Царь царствующих и Господь господствующих Своими руками оmyвает ученикам ноги и таким образом являет Свое смирение всем нам. Чем можно превзойти это? Только одним: предать Себя на смерть. И Господь делает это.

Мы — слабые люди. И когда наши сердца мертвеют, нам хочется благополучия. Но пока у нас живое сердце, грешное, но живое, — о чем тоскует живое сердце? О том, чтобы был предмет любви, бесконечно достойный любви, чтобы можно было такой предмет любви найти и служить ему, не жалея себя. Все мечтания людей — неразумны, потому что это мечтания. Но они живые, пока живое сердце стремится не к благополучию, а к жертвенной любви, к тому, чтобы нас обрадовали неизреченным великодушием к нам и чтобы нам какой-то долей великодушия ответить на это и верно послужить Царю царствующих и Господу господствующих, который так великодушен к Своим слугам. Господь наш в лице апостолов назвал нас своими друзьями. Об этом более страшно подумать, чем подумать о том, что мы рабы Божьи. Раб может в поклоне спрятать глаза; друг не может уклониться от того, чтобы встретить взгляд своего друга — укоризненный, прощающий, видящий сердце. Тайна христианства, в отличие от мнимых тайн, которыми ложные учения соблазняют людей, — это как непроницаемая для взгляда глубина прозрачайшей воды, которая, однако, так велика, что дна мы не видим; да и нет его — дна.

Что можно сказать в этот вечер? Только одно: что Святыя Дары, которые будут нам вынесены и поданы, — это те самые тело и кровь Христовы, которые в невообразимом потрясении сердца вкушали апостолы. И это наше собрание — это та самая длящаяся Тайная вечеря. Будем молиться, чтобы нам не выдать Божьей тайны — тайны, которая сплачивает нас со Христом, чтобы мы пережили эту теплоту тайны, не предали ее, чтобы мы ответили на нее хотя бы самой несовершенной верностью.

Блаженный Августин говорил о Евхаристии довольно трудные для нашего малодушного сердца слова. Он толковал Евхаристию, в частности, как призыв к мученическому подвигу: за тело и кровь, которые Христос предал за нас, мы должны быть готовы отдать наше тело и нашу кровь. К подвигу мученичества в полном смысле призваны немногие, и не будем говорить о вещах, слишком для нас высоких. Но если Господь наш предает нам, оmyв наши ноги, Свое тело и Свою кровь, как же нам не терпеть великодушно хотя бы те малые невзгоды, которые нам приходится терпеть?!

Помолимся, чтобы нам никогда не забывать тайны, в которую мы взяты великой тайной — Тайной вечерью, чтобы нам никогда не выдать ее врагам видимым и невидимым, никогда не иметь окамененного нечувствия в отношении к ней. И чтобы наше сердце рвалось послужить Царю царствующих, который так милосерден, так близок — до последней близости, до близости вкушаемого нами Яства.

И еще одна мысль должна посетить каждого, кто слушает это Евангельское чтение. Мы видим, что Господь наш в земной Своей жизни соблюдал ветхозаветный Закон. И в город Иерусалим Он пришел в связи с тем циклом празднеств, которые были у иудеев, — между иудейской Пасхой и иудейской Пятидесятницей. Он пришел не разрушить, но исполнить, и Его жизнь началась с того, что Он по Закону подвергся обрезанию. Почему же в одном Господь наш так последовательно бросал вызов законничеству — в вопросе о полном бездействии, которого иудейские законники требовали от человека в субботу? Конечно, это учит нас тому, что доброта важнее обряда, важнее обрядовой правильности, это избавляет нас от опасности обрядоверия. И всё-таки, кажется, дело не только в этом. Что значило для верующего иудея особо строгое почитание субботы? — Что творческая деятельность Бога окончена к седьмому дню: в седьмой день Бог опочил от трудов Своих, и эта завершенность Божьего творения празднуется каждую субботу. И бездействие верующего — свидетельство о его вере в то, что мир изменен не будет. (Хотя у иудеев во времена Христа было учение, не очень ясное, о будущем веке и о воскресении, в которое верили фарисеи; саддукеи, впрочем, отрицали его, так что это еще не было всеобщей верой.) Если празднуется покой Бога, понимаемый как полное бездействие, как прекращение Его творчества, значит, мир стабилен. Это описано со скорбной красотой в книге Екклесиаста: что было, то и будет.

Этому Господь наш противопоставляет другое учение, не разрушающее смысл Ветхого Завета, но его дополняющее: покой Бога — это не прекращение Его творчества (хотя мир Божий завершен и совершенен в той мере, в какой он не испорчен действием падших духов и падших людей). Мы и сейчас, видя каждое творение Божье — распускающиеся ветви весной и любое другое творение, — слышим слова Творца о том, что это весьма хорошо. И всё же замысел Бога еще не осуществлен — замысел о преобразении мира. Бог создал нас людьми, а мы сами себя сделали падшими людьми. Но Бог хочет нас возвести к такому достоинству, для которого апостол Иоанн в своем послании не находит и слов, говоря: мы сейчас дети Божии, но не знаем, что будем. И слова Господа: Отец продолжает делать, продолжает творить, и Я продолжаю. Знамение этого — исцеление в субботу.

Милость Божия безгранична, щедра, она упреждает человека, его просьбы и мольбы, не говоря уже о его исправлении. Но милость Божия требовательна. Мы знаем, как мы себя ведем с чужими маленькими детьми и со своими детьми. Чужих маленьких детей, за которых мы не несем ответственности, мы рады приласкать, если уж не вовсе злые люди, дать им что-нибудь сладкое, обрадоваться за них и ничего от них не требовать. Мы за них не отвечаем. Это для них и для нас радость на мгновение, не имеющая продолжения и дальнейшего смысла. Но Бог добр к нам не как чужой дядюшка, который дарит нам конфетку и идет своим путем, ничего от нас не требуя. Христос встречает исцеленного Им человека и напоминает ему о том, что великая милость, им полученная, — это одновременно и требование: не греши. Чем больше Бог нам дает, тем больше Он от нас и требует.

Еще лучше будет, если мы поймем, что Его требовательность к нам — это самое лучшее, что Он нам дает. Слова «не греши» были сказаны человеку, исцеленному от очень тяжелой, очень длительной болезни, вызволенному из горчайшей беды. Но каждый из нас, даже живущий благополучной и как будто безопасной жизнью, не знает, над какими безднами проводит его, не зрящего, не видящего этих бездн, рука Божия. И эти слова обращены к каждому из нас: не греши, чтобы с тобой не случилось чего худшего. Ибо даже те из нас (а много ли таких среди нас?), у кого нет воспоминаний о прошедшей мимо, чудом миновавшей тяжелой беде или беде уже настигшей и потом отступившей, имеют все основания знать, что с нами каждое мгновение может быть много хуже. Мы привели себя и Божий мир в такое состояние, когда беды должны с нами случаться. И благоразумно нам — не говоря о том, что это долг благодарности —

не грешить, потому что не по грехам нашим поступает с нами Господь.

Помолимся о том, чтобы Бог воздвиг наши расслабленные души, расслабленные сердца и чтобы он совершил дело возрождения нашего Отечества. И мы сегодня должны ещё молиться о душах тех, кто своей кровью заплатил за победу нашего Отечества. Мы должны также вспоминать людей, отдавших свою жизнь в русской диаспоре за спасение тех, кому угрожала бесчеловечность гитлеровского режима. Мы должны вспоминать таких людей, как мать Мария. Помолимся о том, чтобы, как расслабленный, потерявший земную надежду, наше Отечество не по нашим грехам получило бы здоровье. Аминь.

Слово после Евангельского чтения: Мф 6:22-33 (27.04.93)

Господь наш говорит о духовном зрении, о духовном око, которое освещает все существо человека — все, что внутри него, то есть внутреннее пространство его души. Если это око здорово, чисто (по-гречески употреблено слово, означающее, собственно, «просто»), если в человеке есть свет, великодушие неразделенной, не раздробленной, не ущербленной любви к Богу и ближнему, этот свет — действительно свет. Но как быть, если внутреннее, духовное око, которым смотрит человек на все сущее, омрачено утверждением самости человека, жадностью, завистью, отсутствием великодушия? Это страшные слова: если свет, который в тебе, — тьма, то сколь же велика тьма?! И мы знаем, как лукаво наше сердце, как часто бывает, что мы обращаем во зло даже то, что должно было бы быть и что по природе является светом нашей жизни. Как часто мы бываем фарисеями и хуже фарисеев — древних фарисеев, которых укорял Господь. Фарисей обращал во зло, во тьму свет своего знания Заповеди, своего соблюдения Заповеди — во тьму, во зло своего самоутверждения и унижения ближнего.

Мы знаем, что живой человеческий язык, язык народный и язык поэзии, столь близкий к народному языку, и язык Откровения многое может сказать об око человека. Мы знаем из народной речи, что у человека бывает глаз добрый или дурной, а в Ветхом Завете часто говорится о добром око человека, если этот человек щедр, великодушен, готов легко поделиться с другим — поделиться и достоянием, и честью. Если это человек, который не занят возвеличением себя и для этого непременно унижением другого, но, напротив, с радостью принимает достоинство ближнего и предпочитает умалить себя для того, чтобы видеть ближнего и Божий мир в свете, в славе, в присутствии им достоинстве. И это радостный человек, хотя, по суждению сынов века сего, это человек, лишенный хитрого разумения — как ему возвеличить себя, как ему побольше взять себе.

Далее сердцеведец Господь напоминает нам, что стоит за нашими земными заботами, за нашей мрачной озабоченностью, мешающей нам во всем видеть Божью славу. За ней стоит страх, отсутствие мужества, отсутствие доверия к Богу. А ведь если мы веруем в Бога, эта вера не есть просто индивидуальное признание существования Бога. Вера в Бога — это вера Богу, это доверие Богу как Отцу. Мы исповедуем Его Отцом.

Мы знаем, что у человечества были учителя, философы, нехристианские аскеты, которые также учили не заботиться о земных благах. Но при этом они обращались не к доверию, не к нашей способности сыновнего доверия Богу, а к гордыне человеческого духа и внушали человеку, что он выше земных нужд, что он настолько должен быть возвышенным в своих помыслах, что ему как бы ничто земное и не нужно. В том, что говорит нам Господь, гораздо больше чувства реальности, человеческой реальности. Он не говорит нам: «Вам ничего не нужно». Он говорит: «Отец небесный знает, что вам нужно». Он знает, что это вам вправду нужно, и не отяготит вас больше ваших сил.

Был один иудейский мудрец, относительно которого не ясно, принял ли он

христианство, но есть все основания полагать, что относился он к христианству хорошо; он жил в самые первые времена христианства и знал о христианской проповеди и уважал ее. Он говорил так: «Человек, у которого есть в его сумке малый кусок хлеба и который при этом испуганно спрашивает: что же я буду есть завтра? — этот человек имеет слишком мало веры».

Господь призывает нас к мужеству — не к горделивому мужеству, а к мужеству доверия. Доверие к Отцу, сыновнее доверие должно победить в нас страх. Не говорится, что наша земная жизнь лишена опасностей, — мир наполнен скорбями и опасностями. Но в том-то и дело, что в действительности все мы, неимущие, состоятельные, обеспеченные, непрактичные и самые практичные, хитрые, слабые и сильные, больные и здоровые, — все мы каждое мгновение знаем или вовсе об этом не догадываемся, что идем над пропастью. Другого пути в земной жизни нет ни для кого. Мы не видим бездн, которые открываются под нашими ногами. И не наше дело видеть эти бездны — Провидение ведет нас над ними. Люди в наше время бывают так утрачены, когда у них есть подозрение, что они больны той или иной смертельно опасной болезнью. Между тем мы видим, что ежеминутно люди умирают от разных болезней или событий, хотя за пять минут до этого казалось, что никакой опасности нет.

Наше основанное единственно на доверии к Богу спокойствие, мир, который дает нам Бог так, как мир сей не может нам дать, — они основаны только на доверии к Провидению. Больше нам надеяться не на что. Об этом хорошо писал один немецкий писатель, который в гитлеровское время должен был быть арестован за свою антифашистскую деятельность. Это был христианский писатель, католик; он участвовал в антигитлеровской борьбе и лишь впоследствии, после крушения гитлеровского режима, узнал, что не был арестован по непостижимой случайности: все было готово для расправы над ним, но Провидение провело его над этой бездной, а он и не знал в тот день и в тот час, что решается его судьба. И это потом дало ему повод к тому, чтобы выразительно говорить об опасности, угрожающей нам ежеминутно, неведомой нам, и о силе Божьей, ведущей нас над пропастью, от которой никакая наша сила, никакие наши ухищрения нас защитить не могут.

А радость, внутренний свет даются только полным, чистым, беспримесным доверием к отцовскому попечению Промысла, к отеческому промыслу Божьему. И щедрым расположением души, когда мы не озабочены тем, чтобы отстоять свое против ближнего, когда мы даем войти в себя радости о том, какие прекрасные свойства имеют другие люди, когда мы не боимся себя умалить перед ними. И тогда весь Божий мир — это наше достояние, дающее нам радость. И мы снова чувствуем то, о чем говорит начало книги Бытия: как Господь сказал о Своем творении, еще не искаженном самостью бесов и самостью нашей, что оно хорошо весьма.

Помолимся о том, чтобы око сердца нашего было чисто, здорово, просто. Аминь.

Слово после Евангельского чтения: Мф 4:18-23,25; 5:12 (20.06.93)

Сегодняшнее Евангельское чтение ясно показывает нам, что такое быть святым и что такое быть христианином. Мы знаем, что на земле есть разнообразные религии и есть старое, как мир, старое, как грех, и трудноискоренимое языческое благочестие. К чему сводится это благочестие? Язычник что-то знает, и он знает больше, чем безбожник. Он знает, что над ним есть нечто Высшее, и он правильно так думает. Но как он относится к этому Высшему? Он относится к нему так, как мы здесь, на земле, в особенности по нашей немощи, по нашей корысти, относимся к сильным, богатым, умным людям, которые умнее нас, сильнее нас, богаче нас. Значит, с ними надо быть в мире, с ними надо ладить, оказывать им почтение, надо быть с ними вежливыми — для того, чтобы и

они нам в наших делах, в наших маленьких делах, в нашей корысти помогли, чтобы мы от них как от сильных мира сего могли ожидать к себе доброго отношения. Таково языческое благочестие.

Совсем другое, что не так легко принять нашему плотскому естеству, мы читаем в Евангелии от Матфея. Что слышат эти рыбаки, занятые своим делом, своими насущными нуждами, своим попечением о завтрашнем дне, — что они слышат от Господа? — «Иди за Мной». И они в тот же час оставляют свои сети, свой труд, в котором была вся их жизнь ещё вчера, ещё пять минут назад, и уходят — идут, не спрашивая ни о каких гарантиях. Они оставляют всё, чтобы идти за Христом, чтобы делать Божье дело, ибо Отец наш на Небесах, Отец, которому мы усыновлены через единородного Его Сына. Это не чужой отец, не чужой взрослый человек, которому мы, дети, должны вежливо поклониться, поздороваться с ним, а он нам за это сделает что-то приятное; и потом мы разойдемся. Нам предложено небывалое, не представимое нашему уму. Страшная и трудная для нас честь — быть детьми, быть сонаследниками. Нам Бог, который всё может сделать единым Своим всемогущим словом, даёт честь. Он пожелал, чтобы Его дело на земле не делалось без нас, чтобы мы, немощные, могли Ему помочь.

Язычник хотел, чтобы боги помогали ему в его войнах. Но в Ветхом Завете, в одном из древнейших текстов (который ученые, во многом сомневающиеся, единодушно признают за древнейший текст), в Песне Деворы, как по-русски принято говорить, в книге Судей, говорится о Господней войне. Девора стыдит тех людей, которые не пришли на помощь в Господней войне. Времена Деворы были далекие, когда людям, только ещё призванным к служению Богом, война представлялась как кровавая война, как кровопролитие. Наши войны — иные, они ещё страшнее: не против плоти и крови, как сказано у апостола Павла, а против бесовской власти. Но мы призваны как добровольцы. И Бог, который — я повторю это, — может быть, решит свою победу в одночасье без нас, не пожелал, чтобы это было без нас. Так он пожелал поднять нас.

Христианин — тот, кто откликается на эти слова: «Иди за Мной». Но святой — это тот, кто делает это с великодушием апостолов, немедленно в одночасье оставивших всё.

Удивительные слова, которые можно назвать сердцем Евангельского благовестия, которые мы слышим на каждой Божественной литургии и слышали сегодня в Евангельском чтении, — это заповеди Блаженства, начинающие Нагорную проповедь. В этих словах много такого, что сразу же ясно самому простому человеку, что легко понять, но трудно исполнить. Но есть такие слова, о которых надо думать и которые постепенно раскрывают свой смысл, для разумения которых неплохо обратиться и к святоотеческим толкованиям, и к свидетельствам древних языков.

Например, самое первое: что такое «нищие духом»? Иногда верующие понимают это в таком умилении, которое грозит быть сентиментальным, а неверующие — с насмешкой, как некую простоту ума, неспособность на сложные мысли. Но это не так. Господь велел нам с голубиной простотой соединить змеиную мудрость. И также нам сказано в Писании: «Не будьте младенцами по уму». Нам велено быть младенцами по чистоте сердца, но не по уму. И когда мы думаем о святых, о великих святых, таких, какими были великие святители, какими были и многие русские святые, мы видим, что это были люди великого ума. По толкованию святого Василия Великого, блистательно подтвержденному уже в нашем веке новейшими археологическими и филологическими открытиями, «нищие духом» — это те, кто отрекается от привязанности к земному достоянию по вдохновению от духа: и по свободному движению своего, человеческого, духа, и по вдохновению от Духа Божественного. Это те, кто проявляет великодушие, как апостолы, оставившие свой каждодневный труд и никогда об этом не пожалевшие.

«Блаженны плачущие». Церковь, православное предание убожает тех, кто имел и имеет высокий дар от Бога — оплакивать свои грехи. Слезный дар — это великий дар. Но, по-видимому, во второй заповеди Блаженства говорится не совсем об этом или не только об этом. Греческое слово, там употребленное, и арамейское или еврейское слово, употребленное Спасителем, обозначают того, кто несет на себе тяжесть траура по умершему близкому или по общественной беде, как это было, скажем, во дни пророка Иереми; то есть и в более широком смысле — по недолжному состоянию своего грешного сердца, по всему, что недолжным образом вершится среди его народа и среди всех народов земли. Иначе говоря, речь идет о человеке, который не может с ложным, дурным благодушием и спокойствием принять тот греховный порядок вещей, ради преодоления которого Господь наш принес Себя в жертву; о том, кто, примирясь с волей Божьей, имея в душе истинный мир и истинное спокойствие, не согласен на ложное спокойствие, на ложную примиренность с тем, что люди живут нехорошо, что сам он живет нехорошо (в смысле: ну что же, так повелось, так все живут, значит — всё в порядке); о том, кто не согласен принимать за норму вместо заповеди Божьей то, что делают, как говорится, все.

Удивительное речение, ясное, конечно, всякому сердцу, которое было подготовлено уже в Ветхом Завете, — о кротких, которым дано наследовать землю. Мы видим историю и современность как последовательность насилий. Мы все время видим, как насильники отбирают у кротких их достояние, саму их жизнь. Но мы видим и другое: как недолговечно торжество насильников и как продолжает пребывать тихий труд кротких и его плоды. Остается то, что сделано кроткими, что сделано в кротости сердца, в тишине, без насилия, без упоения тщеславием. Это стоит, остается для будущих поколений, освещает землю.

Далее слова о тех, кто алчет и жаждет правды — правды Божьей, справедливости. Эта заповедь Блаженства так близка ко второй, говорящей о тех, кто не способен примириться с неправдой. По-видимому, эти слова, как указывают толкователи, как указывает библейская экзегетика, имеют самый простой и очевидный для всех смысл: без еды и питья наше плотское естество не может жить, и праведный человек — это тот, кто не может жить без исполнения большего — правды Божьей. Но это также и указание на практику поста во времена Господа (как, впрочем, и в другие времена у строгих постников), когда праведные люди, испрашивая преодоления какой-то неправды, которую они видели вокруг себя, накладывали на себя пост, состоявший не только в воздержании от пищи, но и в воздержании от воды (что в Палестине особенно трудно).

«Блаженны чистые сердцем» — смысл этого ясен каждому из нас. Все мы знаем это по горестному внутреннему опыту; если мы не знаем, что такое чистота, то мы знаем, что такое отсутствие чистоты и как это тяжело. Но эти слова имеют еще и другой смысл: чистое сердце — это не только сердце, в которое не находит доступ растление, но это сердце беспримесно отданное Богу.

Сегодня мы празднуем память святых нашей земли. Для каждого русского человека это как бы вторые именины — именины нашей земли. Мне вспоминается, как во дни преподобного Сергия Радонежского на русскую землю прибыл один грек. Он прослышал о некоем святом, объявившемся на такой дикой земле — на Руси, да еще в какие времена — в «наши времена». Каждому человеку в любое время давно уже казалось, что святость — это принадлежность каких-то прежних времен, былых времен. Какая же святость в наше время? Он усомнился и отправился искушать, испытывать святость преподобного Сергия. И он был вразумлен чудом: ослеп и был исцелен по молитве преподобного Сергия, который, учтивостью и кротостью достойный святого, отвечал ему и наставлял его.

Другие земли могут похвалиться своим богатством, трудолюбием своих жителей, своим порядком. Но они могут похвалиться и такой похвальбой, которая больше имеет отношение к вере. Есть земли, где проповедовали сами апостолы, где они основали церкви. У нас есть предания, связывающие нашу землю с апостолом Андреем, но, так или иначе, наша церковь основана не апостолом Андреем, а много позднее. Митрополит Иларион уподобил нас, русских, работникам одиннадцатого часа. Счастливы мы? Блаженны мы? Да, если мы не идеализируем нашу землю ни в настоящем, что легко, ни даже в прошлом и все-таки твердо знаем, что эти слова — «Земля Святая Русская» — имеют смысл, вечный смысл, который ничем не разрушится. Только еще раз повторю, что это не должно быть поводом для самообольщения. Святость наших святых не дает нам никакого «механического» преимущества. Мы слышали в сегодняшнем чтении слова апостола Павла: «У Бога лицепрятия нет». Но живое предание святости на нашей земле есть. В этом должен был убедиться надменный грек, явившийся к преподобному Сергию.

Что такое святые? Святые — это не люди, абсолютно во всем безупречные и заведомо, гарантированно непогрешимые во всех своих мнениях и суждениях. Такое представление нецерковно. Мы недаром исповедуем: «Един Свят, Един Господь Иисус Христос». И если мы не будем говорить о непостижимой тайне пренепорочности Божией Матери, что же святые? В этом как раз есть великая радость для нас: они были. Но почему были? Мы же не можем сомневаться, что и сейчас есть святые? Люди, как мы, во всем, кроме одного — кроме великодушия, мужества, с которым они готовы были и готовы в наше время оставить всё (это легко сказать «всё»), чтобы последовать за Христом. Добровольцы Христа, которые из любви ко Христу, из любви к Небесному Отцу и из любви к нам берут на себя подвиг, которого мы, грешные люди, даже и представить себе не можем, которые становятся между праведным Божьим гневом, и натиском ада, и нами. Мы прячемся за их спинами. В этом причина святости, а не в их гарантированной безупречности. И люди, слабые умом и ничтожные сердцем, этим соблазняются. Мы знаем, что святым, которые были современниками, случалось спорить друг с другом, быть в чем-то друг с другом несогласными, но при этом они были согласными в самом главном, едиными в самом главном. Почему, однако, нам не пристало искушать их святость, как вздумал тот грек? Потому же, почему человеку, отсиживающемуся во время войны в тылу, не пристало легко говорить о подвиге тех, кто за него проливает кровь на фронте, в прямой встрече со смертью, с ужасом, с врагом.

Мы отсиживаемся за спинами святых. Мы можем жить, наша христианская жизнь при нашей немощи возможна — благодаря их подвигу. Дай нам Бог никогда об этом не забывать и быть соединенными с ними живым чувством благодарности! И дай нам Бог в меру наших слабых сил, по нашей немощи, не так великодушно и не так легко, как они, оставляя всё, что мы имеем, все-таки отвечать на призыв Господа: «Иди за Мной». Аминь.